

Развилки современной глобализации

КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич

Вызревавший в течение полувека общий кризис индустриальной цивилизации, протекавший до 1990 г. в стационарном режиме, прервался острым «гибридным» кризисом со сложной и необычной конфигурацией. Вышел из-под контроля центральный «реактор» и цитадель этой цивилизации — Запад. Более того, цепной процесс возник в ядре и символическом воплощении Запада — в «Сияющем городе на холме», США. Произошел выброс «темной энергии», в ней соединились в синергическом взаимодействии несовместимые сущности: демократия с фашизмом, рациональность с безумием, гуманизм с изуверством, Просвещение с постмодерном, Интернет с институтами каменного века.

Сейчас мы можем реконструировать этот процесс со времен Рейгана, но для политологии остается загадкой, почему руководство и элита великой державы США по окончании Холодной войны и ликвидации СССР и его военного блока резко сдвинулись от парадигмы *realpolitic*, которая гарантировала Западу спокойное развитие с преодолением всех частных кризисов индустриализма. Что толкнуло либеральную и неоконсервативную элиту Запада начать глобальную программу лавинообразной дестабилизации международного права и разрушения жизнеустройства многих регионов мира? Ведь было почти очевидно, что создаваемые этой программой риски обернутся нарастающим ущербом самому Западу с неопределенным исходом. Многие народы и культуры, которые изуродовала железная пята Запада, наверняка найдут «асимметричные» средства возмездия.

Американский историк и теоретик вестернизации Т. фон Лауэ высказал такое тяжелое суждение: «Как мало людей на бесконечно привилегированном Западе понимают всю глубину отчаяния, разочарования и ненависти, в которые мировая революция вестернизации ввергла свои жертвы; общественное мнение, снимая с себя ответственность, до сих пор предпочитает видеть лишь позитивные аспекты вестернизации»¹.

Ради чего губится то великое и светлое, чем были дороги человечеству Запад и США? К.Н. Леонтьев, скорее западник чем славянофил, в полемике с Достоевским высказал глубокую мысль: «И как мне хочется... воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: „О, как мы ненавижим тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!“»².

В 1990 г., когда был запущен проект «однополярного мира», политолог Дж. Миршаймер написал статью «Почему мы вскоре затоскуем по холодной войне»³, где представил тот вектор, который привел к нынешнему состоянию, — без детальных прогнозов, но верно. Он предвидел, что в мире будет не хватать «того порядка, какой холодная война вносила в анархию международных отношений» и что «Европа движется снова к той системе, которая с 1648 по 1945 г. порождала один опустошительный конфликт за другим».

Действительно, только за 1900–1945 гг. около 50 млн европейцев погибло в войнах вследствие нестабильности мировой системы, а за следующие 45 лет погибли 15 тыс. европейцев (10 тыс. венгров и русских в 1956 г. и 5 тыс. греков и турок на Кипре). И вывод: «Европа возвращается к системе, которая создавала мощные стимулы для агрессии».

¹ Von Laue Th. The World Revolution of Westernization. N.Y., 1987. P. 72.

² Леонтьев К.Н. О всемирной любви / В кн. «О великом инквизиторе. Достоевский и последующие». М.: Молодая гвардия, 1991. С. 55.

³ Mearsheimer J. Why we will soon miss the cold war // Atlantic. Boston. 1990. Vol. 266, № 2.

Что же это за стимулы? Почему достижение советским блоком военного паритета с Западом «заморозили» глобальные проекты мирового господства? Почему державы Запада за короткий отрезок XX века организовали две мировых войны, а баланс сил США и СССР стабилизировал мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны? Что было такого в мироощущении элит западной цивилизации, что из древности (из Рима) дошел до нас афоризм: «Война — душа Запада»?

Что же делать — ведь теперь нет Варшавского договора, нет и СССР. Пока кризис не превратился в крупномасштабную катастрофу, средством пробудить здравый смысл среднего класса и элиты Запада может быть «диалог цивилизаций» — через форумы, СМИ, Интернет, личные контакты. Он не панацея, но без диалога деформация мироощущения не поправится — это показал опыт Великой отечественной войны. Правда, тогда росток диалога стал подрастать, очень понемногу, только после Сталинградской битвы. А до войны была только информационная война: Запад верил, что СССР — это «колосс на глиняных ногах».

После 1990 г. этот росток сохранялся с большими усилиями. Н. Хомский обращает внимание на такой сдвиг политиков США в иррациональность. Он излагает рекомендации Стратегического командования США в 1995 г., вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны». Идея такова: если жизненно важные интересы США поставлены под угрозу, «выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным — значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [государства] могут казаться потенциально „неконтролируемыми“, способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады»⁴.

⁴ Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003. С. 29. Н. Хомский добавляет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую „теорию сумасшедшего“: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле».

Понятно, как трудно найти общий язык для диалога с такими хитрецами. Ведь надо беспристрастно знать, какие смыслы вкладывают оппоненты в категории, понятия и жесты. А Киссинджер признался (1975 г.): «Незаконные вещи мы делаем сразу же, на неконституционные нужно чуть больше времени». Современные политологи предупреждают: «Такие понятия, как власть, легитимность, доверие, эффективность, не наполнены одинаковым смыслом в Лондоне и Джакарте, в Вашингтоне и Каире. Стремление заключить эти понятия в формулу, обладающую всеобщей значимостью, несомненно, изобличает грехи западного этноцентризма».

Еще труднее верно понять, каковы ценности, интересы, чаяния, страхи и предрассудки оппонентов. Для диалога это знание даже важнее, чем для войны. В политике необходима интерпретация любого знака, так что герменевтика стала чуть ли не главной прикладной дисциплиной аналитиков, и это обесценило открытый, ясный язык и наглядные доводы. Ницше писал: «Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы видеть ее»⁵.

Недавно, выступая в Москве на открытии Центра внешнеполитического сотрудничества имени Примакова, Киссинджер сказал: «Как это ни парадоксально, но мы снова столкнулись с философской в своей основе проблемой. Как Америке сотрудничать с Россией, если она не разделяет все ее ценности, но является незаменимым компонентом мирового порядка? Как России отстоять свои интересы безопасности, не вызвав при этом тревогу на своей периферии и не увеличив количество врагов? Может ли Россия обрести достойное и авторитетное место в мировых делах, не вызывая при этом дискомфорт у Соединенных Штатов? Могут ли Соединенные Штаты отстаивать и продвигать свои ценности, чтобы при этом не возникало представление о том, будто они их навязывают угрозами?»⁶

⁵ Макиавелли предупредил в письме от 17 мая 1521 г., что слова политиков всегда нуждаются в истолковании: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

⁶ Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // The National Interest / <http://inosmi.ru/politic/20160205/235302391.html>

Шкалы всех этих элементов мироощущения растянуты: одни из них сокровенны или невыражаемы, другие — откровенные и формализованные, третьи — секретные и конъюнктурные. Упорядоченное изучение их проще начинать с несущего среднего слоя, который обычно называют идеологией. Это — ядро всей символической системы, в нем собраны интересы, ценности и нормы рациональности, более или менее присущие всем социокультурным группам, что и консолидирует общество⁷.

Как выразился Ю. Хабермас, цивилизация характеризуется тем, что в ней «доминирует одна центральная концепция мироздания (миф, сложная религия), предназначенная для легитимации политической власти (превращая, таким образом, власть в авторитет)». В Новое время этой центральной концепцией и стала идеология, особая область знания. В целом изменения в обществе (развитие) невозможны без идеологического обоснования — даже если говорят о «деидеологизации» жизни.

Идеология — компактная конструкция, но часто ее сферу действия сильно расширяют, размывая смысл понятия. В обыденном сознании под идеологией часто понимают любую символическую систему, задающую образ благой жизни, установленные ценности и интересы, нормы поведения — все это в доступной форме, соединяющей рациональные доводы, миф, метафизику и эстетику. Таким образом, к категории идеологий причисляют и религию, и историю, и этику. Поэтому при использовании понятия идеологии надо уточнять контекст. Мы говорим об основных элементах государственных идеологий западных держав (в основном США) в данный исторический период.

Идеология — ядро большой системы мировоззренческих идей и образов. Это ядро не может быстро адаптироваться к динамике общества, к изменениям системы субкультур,

⁷ Но идеология служит инструментом не только для консолидации общества, но и для размежевания групп, разделенных противоречиями. Расколы заставляют вести «холодную гражданскую войну». Исследователь революций Ч. Джонсон писал: «Располагая достаточным количеством времени... идеология заставляет разбалансированное общество разделиться на группы — с одной стороны союзников, стремящихся к изменению структуры системы, с другой — тех, кто стремится удержать ее в том же состоянии» (Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют. М.: Питер, 2005. С. 195).

потребностей, моральных норм. В обществе непрерывно ведется борьба и между частными идеологическими концепциями, и между этими концепциями и «ядром». Поэтому идеологические службы и государства, и оппозиции создают, воспроизводят и обновляют «защитный пояс» ядра в виде массовой культуры и СМИ. Эта буферная зона позволяет ядру идеологии поддерживать коммуникации с большим числом социокультурных общностей и не допускать разрыва коммуникаций с очередным молодым поколением.

Со второй половины XX века главные идеологические системы индустриальных стран переживают кризис, вызванный исчерпанием объяснительной способности универсалистских концепций Просвещения, перестройкой научной картины мира и новыми, необычными политическими и социально-экономическими кризисами. Наука показала мир как очень сложную и динамическую систему, в которой большинство процессов нелинейны и необратимы, большую роль играют флуктуации, самоорганизация и синергические эффекты. Идеологии находятся в переходном состоянии. Лаккуны в их структурах закрывают временными «шунтирующими» концепциями.

Политолог Р. Даль подчеркивает, что быстрые изменения картины мира во второй половине XX в. произвели разрыв непрерывности в развитии идеологий: «Все наиболее влиятельные идеологии нашего времени имеют общий недостаток: они обрели свою форму и содержание в XVIII–XIX вв. или даже значительно раньше, когда мир, в котором мы сейчас живем, проявился еще не полностью. Они подобны средневековым картам, красивым, но опасным для плаванья по неизвестным морям... Либерализм, консерватизм, капитализм, социализм, марксизм, корпоративизм, анархизм и даже демократические идеи — все они имеют перед собой мир, который своей формой и пафосом разрушает выраженные в них фундаментальные допущения, требования, дескрипции, прогнозы, надежды и рекомендации»⁸.

⁸ Dahl R.A. Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven, 1982.

Эти изменения картины мира заставляют ставить под сомнение и даже пересматривать фундаментальные идеи, легитимирующие социальный порядок (свобода, прогресс, «общество потребления»). Возникают новые утопии и альтернативные проекты жизнеустройства, фундаменталистские взгляды и политические практики.

Это дало основание некоторым политологам сделать вывод о «маргинализации идеологии» и даже ее «вытеснении на периферию политики», что «идеология как историческое явление в принципе утрачивает свое бывшее значение, постепенно покидая само политическое пространство». Высказывается мнение, что «мировоззренческая нагрузка идеологии сохраняется лишь на определенных этапах или только для определенных слоев населения». Под «определенными этапами» имеют в виду период после краха СССР, когда в США возникла иллюзия возможности устроить «однополярный мир» (*Pax Americana*). Но ведь сама эта доктрина есть идеологическая конструкция. Элементами идеологии являются и политические доктрины: глобализации и «цветных» революций, войн в Югославии и Ираке, концепции «конца истории» или «войны цивилизаций» и пр.

На наш взгляд, эмпирических доводов для тезиса об устранении идеологии из политики нет. Можно высказать как гипотезу, что в условиях углубления кризиса потребность в идеологии резко обостряется, хотя при этом увеличивается число идеологических альтернатив и диссидентов.

В недавнем интервью Киссинджер уточнил свое представление об идеологии элиты США. Он говорил о политике «восточного истеблишмента», в частности, Голдуотера: «Это была новая идеологическая сила в Республиканской партии. До тех пор во внешней политике доминировали основанные на моделях европейской истории взгляды „восточного истеблишмента“. Эта новая позиция внешней политики носила более миссионерский характер; в ней подчеркивалось, что Америка наделялась миссией по распространению демократии — в случае необходимости, с применением силы. К тому же существовала своего рода нетерпимость к оппозиции. Затем эти взгляды стали свойственны как крайне пра-

вым, так и крайне левым, и те от случая к случаю менялись местами». А на вопрос о Бараке Обаме ответил: «Его видение скорее идеологическое, нежели стратегическое»⁹.

Таким образом, мы исходим из того, что изучение идеологий актуально в политологии. Перед обсуждением нынешнего состояния идеологии Запада коротко изложим, как и на какой основе возникла ее структура. Идеология в строгом смысле слова возникла в Западной Европе в XVII в. в ходе Научной революции. Она заменила церковь как авторитет, легитимирующий политический и социальный порядок. Ученые и философы внесли большую лепту в программирование поведения масс посредством идеологии. Франция была подготовлена к слову «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Здесь появились и слово идеология, и организация — Институт, в котором «идеологи» создавали «науку о мыслях людей». Они определили две сферы, которые надо взять под контроль, — познание и общение.

Любая идеология апеллирует к естественным законам. Ее главные аргументы: «так устроен мир» и «такова природа человека». Но суждения идеологии, в отличие от науки, должны быть понятны массе. Идеология — система синкретическая. Ее язык создается по образцу научных формул и языка, и в то же время включены художественные образы, которые активизируют ассоциативное мышление. Используется любой материал: научные сведения, соблазн искусства, легенды и верования, предрассудки и даже мистика. В конце XIX в. была признана важность «иррациональных» элементов в идеологии, что породило новый жанр — «изобретение традиций». Освоение новых знаковых систем, символических понятий, образов, вещей и технологий превратило идеологии в особый большой класс культурных систем. Идеология стала средством формирования человека — созданные ею образы внедряются с помощью системы образования, СМИ и искусства.

Приведем главные конструкции идеологий буржуазного модерна.

⁹ Хейлбранн Дж. Интервью с Генри Киссинджером // The National Interest / <http://inosmi.ru/world/20150821/229779825.html>

Картина мира, антропология и прогресс

Из модели мира Ньютона как машины с ее «сдержками и противовесами» выводились новые концепции свобод, прав, разделения властей. «Переводом» этой модели на язык государства и экономики были, например, Конституция США и политэкономия А. Смита. Механицизм — представление любой реальности как машины — обладал большой силой внушения.

Новая картина мира дала и новое понятие свободы — основу идеологии буржуазного общества поныне. Наука разрушила Космос и десакрализовала природу: «Миром, перед которым не испытываешь благоговения, управлять гораздо легче». Это устранило ограничение на свободу, ведущую к непоправимому. В традиционных культурах это было запрещено — ведь реальные системы рисковали войти в зоны нестабильности и даже хаоса. Сегодня кризис сделал это очевидным, что нанесло сильный удар по идеологиям модерна.

Гоббс развил главный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем «войну всех против всех», а Локк развил, исходя из этой модели человека, концепцию гражданского общества. Эта антропологическая модель не адекватна реальности. Как выразился Дж. Грей, «эта универсалистская традиция либеральной политической философии, как и остальная часть проекта Просвещения, села на мель, столкнувшись с рифами плюрализма ценностей, утверждающего, что ценности, воплощенные в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несоизмеримыми»¹⁰.

Большой вклад в идеологию сделал атоанизм. Будучи много веков в «дремлющем» состоянии, он был выведен на авансцену именно идеологами, а позже развит физиками. Тот индивидуализм, на котором была основана рыночная

¹⁰ Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Практис, 2003. С. 136.

экономика, не мог возникнуть без ощущения человеком себя как свободного атома человечества. Модель человека как атома до сих пор играет важную роль в идеологии (методологический индивидуализм).

В XIX веке в идеологию вошла биологическая модель, представляющая человека как зверя, ведущего борьбу за существование. Получив импульс Мальтуса, дарвинизм вернулся в идеологию как социал-дарвинизм. Идеологи черпали из него аргументы, дающие право на вытеснение и гибель слабых. Социал-дарвинизм легитимировал эксплуатацию колоний и рабочих — социальный расизм совместился с этническим. Один из основоположников позитивизма Эрнест Ренан писал: «Люди не равны, как и расы. Например, негр создан, чтобы прислуживать в великих делах, совершаемых белым»¹¹.

Колониализм и империализм — важная глава идеологии Запада. Ренан дал такой постулат: «Обширная колонизация есть абсолютная политическая необходимость первого порядка. Нация, которая не завладевает колониями, неотвратимо скатывается к социализму, к войне бедных и богатых. Поэтому нет ничего удивительного в том, что высшая раса завоевывает страну низшей расы и ею управляет»¹².

Снятие в картине мира прежних ограничений свободы изменило мироощущение людей, породило убежденность в возможности неограниченного прогресса — вторую ключевую идею идеологии индустриализма. Капитализм впервые породил способ производства, обладающий внутренним импульсом к росту и экспансии. Традиционное производство было ориентировано на потребление, и дух капитализма, ставящий высшей целью именно наживу, был совершенно новым явлением. Оно требовало идеологического обоснования и нашло его в идее прогресса, которая приобрела силу естественного закона. Идеолог прогресса Ницше поставил вопрос о замене этики «любви к ближнему» эти-

¹¹ Cheroni A. La ciencia enmascarada. Montevideo: Universidad de la República, 1994. P. 84.

¹² Ibid. P. 85.

кой «любви к дальнему». Заратустра сказал: «Чужды и презренны мне люди настоящего, к которым еще так недавно влекло меня мое сердце; изгнан я из страны отцов и матерей моих».

Являясь ключевым элементом идеологии Запада, идея прогресса в неолиберальной версии теряет остатки гуманистического содержания. Грей замечает: «Связав свою судьбу с культом свободного рынка, западный консерватизм солидаризовался с духом своего времени, столь точно выраженным в откровенно нигилистическом изречении Хайека „прогресс есть движение ради движения“»¹³.

Проблемы исчерпания невозобновляемых ресурсов и экологии поставили под сомнение идею неограниченного прогресса. Тем не менее эта идея продолжает быть важным аргументом в политике рискованных или непопулярных реформ, ведущихся под флагом модернизации.

Либерализм и политическая экономия — идеологическая основа западного модерна

Гоббс и Локк заложили основы идеологии антропологии, государства и буржуазного общества, еще не касаясь экономики. А. Смит развил их концепции и идеологически обосновал новую экономическую формацию — капитализм. Он приложил к хозяйству принцип научного метода — удалить из представления объекта ценности. У него хозяйствующий субъект есть эгоистический индивид, ведущий свое дело на чисто экономической, а не «добродетельной» основе¹⁴.

Смит разработал главные черты западной цивилизации модерна, а логику добродетели отнес к культурному достижению досовременных обществ (проблему этики он изложил в трактате «Теория нравственных чувств»). Общество

¹³ Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003. С. 178.

¹⁴ «Homo economicus» — антропологическая модель именно предпринимателя. Что же касается рабочих, то они, по мнению Рикардо, следуют не рациональному расчету «экономического человека», а инстинктам.

собственников внедобродетельно, оно обходится без «благонравия» и регулируется посредством новых институтов и законов, об исполнении которых заботится государство. По выражению Гегеля, такие институты относятся к «сфере безнравственной нравственности». Своекорыстие собственника не подавляется угрызениями совести, а подчиняется рациональной логике гражданского (гражданского) общества.

Социальные издержки этих отношений минимизируются государством. Оно, как «ночной сторож», принуждает всех соблюдать законы, но не вмешивается в экономические сделки. Идеология этого порядка — либерализм. Вместе с системой права эта идеология должна была охранять этос буржуа и компенсировать его эгоизм. Либерализм, как выразился сам А. Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». Смит развил английскую версию гражданского общества. Его фундаментальный труд до сих пор актуален как ключевой элемент буржуазной идеологии, хотя неолиберализм XX в. устранил важные устои классического либерализма.

Опираясь на модель мироздания как машины, которую подправляет «невидимая рука Провидения», Смит постулировал, что экономика может быть рациональной, если станет частью политического — свою теорию он назвал «политической экономией». В его идеологии гражданское общество становится политико-экономическим.

Утверждая, что любая этика, ограничивающая субъективизм индивида, есть «дорога к рабству», фон Хайек довел до логического завершения идею свободы, лежащую в основе идеологии неолиберализма. Хайдеггер так предсказал траекторию развития такого общества: «Безусловная сущность субъективности с необходимостью разворачивается как брутальность бестиальности. Слова Ницше о „белокурой бестии“ — не случайное преувеличение»¹⁵.

¹⁵ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // В кн.: Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 306. Выражение брутальность бестиальности почти невозможно перевести на русский язык. Дословно это означает тупая жестокость зверскости.

Идеология и культурные кризисы

Идеология возникла в эпоху крушения легитимности традиционного порядка, что сопровождалось тяжелым кризисом. В Европе этот кризис породил массовый террор и долгие обширные войны. Идеология породила оборотную сторону рационализма Просвещения — «западный» страх и нигилизм. Десакрализация и дегуманизация мира — источник тоски человека, который, как сказал Жак Моно, «подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям».

Шопенгауэр назвал человечество плесенным налетом на одной из планет Вселенной. Ницше уточнил: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной, изливающей сияние бесчисленных солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута „всемирной истории“ — но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело, и разумные животные должны были погибнуть»¹⁶.

Страх стал средством, консолидирующим гражданское общество. Именно этим объясняет Э. Фромм культурную катастрофу Запада в XX веке: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм»¹⁷.

Рационализм, устранивший из логического мышления этику, выродился в нигилизм — отрицание ценностей («Запад — цивилизация, знающая цену всего и не знающая ценности ничего»). Хайдеггер прямо указывает на связь между нигилизмом и присущей западной цивилизации идеологи-

¹⁶ Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988.

¹⁷ Фромм Э. Пути из большого общества // В кн. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 474.

ей: «Для Ницше нигилизм отнюдь не только явление упадка, — нигилизм как фундаментальный процесс западной истории вместе с тем и прежде всего есть закономерность этой истории. Поэтому и в размышлениях о нигилизме Ницше важно не столько описание того, как исторически протекает процесс обесценения высших ценностей, что дало бы затем возможность исчислять закат Европы, — нет, Ницше мыслит нигилизм как „внутреннюю логику“ исторического свершения Запада»¹⁸.

Современный Запад возник, идя от волны к волне массового экзистенциального (связанного с Бытием) страха, который охватывал одновременно миллионы людей в Западной Европе. Причин для него в XIV веке было много: страшная Столетняя война, массовое обеднение людей, но главное — эпидемия чумы 1348–1350 гг. В XV веке в изобразительном искусстве центральное место занимают смерть и дьявол. Историк и культуролог Й. Хейзинга в труде «Осень средневековья» пишет об этом продукте: «Содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, леденящего страха». Печатный станок сделал гравюру доступной, и изображение Пляски смерти пришло в каждый дом.

На этом фоне и произошла Реформация, она привела к Тридцатилетней войне, в которой погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Лютер был гениальным выразителем массовых страхов своего времени. Итог становлению «страха Лютера» подвел датский философ С. Кьеркегор в трилогии «Страх и трепет» (1843), «Понятие страха» (1844) и «Болезнь к смерти» (1849). Здесь страх предстает как условие возникновения индивидуума и обретения им свободы.

В XIX в. идея смерти была в США главной темой проповедей особого жанра — Revivals. Это были массовые спектакли, на которые съезжались люди за сотню миль в повозках с запасами пищи на много дней. В штате Кентукки в августе 1801 г. собралось 20 тыс. человек. Проповеди

¹⁸ Хайдеггер М. Слова В. Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.

доводили людей до такого ужаса, что они обращались в бегство, а многие падали в обморок, и поляна походила на поле битвы, покрытое телами. Поскольку успех проповеди определялся числом «упавших», то велся их учет. В один из дней число людей, потерявших сознание от ужаса, составило 3 тыс. человек.

Когда стало известно, что СССР стал обладателем атомной бомбы, средним американцем овладел «ядерный страх». Он сразу же приобрел черты страха иррационального, так что Федерация ученых-атомщиков США организовала крупное исследование психологов с целью найти средства ввести этот страх в разумные рамки. В начале 50-х годов эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не сами ядерные бомбы СССР, а та паника, которая возникла бы в случае войны.

Современный кризис идеологии

Рассмотрим несколько фундаментальных последствий кризиса идеологии Запада и, соответственно, политических доктрин и решений.

Кризис идеологии повлек за собой кризис мироустройства. После краха СССР ожили старые имперские стереотипы США начала XX в. В известной речи сенатора А. Бевериджа (1900 г.) так говорится о США: «Бог сотворил нас господами и устроителями мира, водворяющими порядок в царстве хаоса. Он осенил нас духом прогресса, сокрушающим силы реакции по всей земле. Он сделал нас сведущими в управлении, чтобы мы могли править дикими и дряхлыми народами. Кроме нас, нет иной мощи, способной удержать мир от возвращения в тьму варварства. Из всех рас Он сделал Американский народ Своим избранным народом, поручив нам руководить обновлением мира. Такова божественная миссия Америки»¹⁹.

¹⁹ См., Каспэ С.И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // ПОЛИС. 2005, № 4.

Мессианская доктрина идеологии США стала оружием «войны цивилизаций» в XXI в. Запад под эгидой США стал (или возомнил себя) Левиафаном для варваров — людей незападных культур. А. Тойнби в «Постижении истории» пишет: «В секуляризованном западном мире XX века возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту».

Положив в основание своей идеологии категорию свободы, либерализм породил внутреннее противоречие, которое не удалось разрешить, — несоизмеримость разных ценностей свободы. Это одна из причин кризиса, который был усугублен фундаментализмом неолиберальной идеологии.

Вот наглядный эпизод. Крах СССР снял ограничение для попытки Западу установить глобальный либеральный международный порядок. Однополярный мир во главе с США был объявлен тотальным и всеобъемлющим. Но реальный мировой порядок уже четыре века уравнивался двумя несоизмеримыми категориями свободы: либерализмом Запада и суверенитетом государств, утвержденным Вестфальским миром.

Либерализм Запада был в мировой политике признан как реальность, но жизнеустройство незападных стран было защищено суверенитетом. Невмешательство во внутренние дела суверенных государств было фундаментом международного права и было признано в идеологии либерализма. Нарушение его приводило к войнам, вплоть до мировых. После 1945 г. Вестфальская система была укреплена ялтинскими соглашениями, но после 1990 г. ценность права и суверенитета для незападных стран была отброшена (если они не успели обзавестись ядерным оружием). В идеологии США свобода стала «отвязана». Но, как сказал Талейран, «это хуже чем преступление: это ошибка».

После теракта в Нью-Йорке в 2001 г. в элите США произошел резкий сдвиг к имперской идеологии. А.И. Уткин приводит такой сюжет: «Адепт имперского активизма Р. Каплан устроил в Белом доме президенту Бушу и его окружению брифинг на тему мирового лидерства Америки и ее гегемо-

нии. Эти идеи Р. Каплан обнародовал в опубликованной в 2002 г. книге „Политика воинов: почему лидерство требует языческого этоса“... Обращаясь к современности, Р. Каплан с одобрением пишет, что США стали „более безжалостны в решении задач экономической турбулентности“, равно как и в вопросах демографического роста развивающихся стран, в отношении к природным ресурсам этих стран. Весной 2002 г. газета „Нью-Йорк Таймс“ поместила серию статей „с мыслью об империи“»²⁰.

Отметим, что эмансипация западного государства от христианской морали произошла в ходе Реформации. Лютер в полемике с католичеством сказал: «Светская власть может лишь ведать дела, постигаемые разумом, ... посему люди от мира сего и могут быть в мирских делах гораздо искуснее, нежели люди духа. Язычники, например, оказались гораздо искуснее христиан, мирские дела они начали и окончили более счастливо и в более широких размерах, нежели божьи святые, как указывает и Христос (Евангелие от Луки, 16.8): „Сыны века сего догадливей, в своем роде, сынов света“. Они лучше умели управлять мирскими делами, нежели ап. Павел и другие святые; вот почему римляне имели такие превосходные законы и право»²¹.

Неолиберализм — ключевая концепция современной идеологии Запада — порождает новый тип бытия с угрозами, от которых невозможно укрыться никому. З. Бауман пишет: «Самые страшные бедствия приходят нынче неожиданно, выбирая жертвы по странной логике либо вовсе без нее, удары сыплются словно по чьему-то неведомому капризу, так что невозможно узнать, кто обречен, а кто спасается. Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того, чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея „общности интересов“ оказывается все более туманной, а в конце концов — даже

²⁰ Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ/Астрель, 2008. <http://coollib.net/b/298301/read#r26>.

²¹ Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // ПОЛИС, 2005, № 6.

непостижимой. Сегодняшние страхи, беспокойства и печали устроены так, что страдать приходится в одиночку. Они не добавляются к другим, не аккумулируются в „общее дело“, не имеют „естественного адреса“. Это лишает позицию солидарности ее прежнего статуса рациональной тактики»²².

Предчувствие системного кризиса и прогнозы докладов Римскому клубу радикализировали идеологические разработки в США со сдвигом к конфронтации и с СССР, и с «Югом». В 1990-е гг. этот сдвиг ускорился, и была сделана ставка на «идеологию страха», консолидирующую Запад синдромом «осажденной крепости». Был создан устрашающий образ «варваров на пороге» — международный терроризм и мигранты. Кульминацией этой кампании было идеологическое использование теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Анализу событий 11 сентября в контексте идеологии посвящены выступления видных философов. Вот вывод: современный терроризм имманентен постиндустриальному неолиберальному обществу, это было заложено в идеологии последнего этапа Холодной войны. По словам Бодрийяра, США «питали террористическое воображение» буквально во всем мире. Они и породили этот кризис: «Нас уверяли: „Бог не может объявить войну самому себе“, — сказал Бодрийяр. — Нет, может. Запад, ставший Богом (обладающий божественным всесилием и абсолютной моральной легитимностью)... объявил войну самому себе».

Эта идеология «архаизирует конфликт», представляет его в терминах фундаментализма, как борьбу Добра (демократии) против Зла (тоталитаризма). Террористический ответ на террор Нового мирового порядка питается ненавистью всего многообразия идентичностей, которые были репрессированы нынешней глобализацией. Ислам — не более чем грубое идеологическое обозначение антагонизма, который разлит везде и пребывает, по словам Бодрийяра, «в каждом из нас»: «Террористы-самоубийцы воплощали терроризм бедных, здесь перед нами терроризм богатых. И это нас особенно пугает: они стали богатыми, не перестав желать нашей гибели».

²² Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004, № 5.

Это выбивает важное звено в неолиберальной идеологии. Этика накопления богатства должна была стать силой, цементирующей глобальное меньшинство. «Терроризм богатых», желающих гибели миру, стоящему на этике наживы, ставит крест на доктрине такой глобализации — она не адекватна сложности структуры человеческих стремлений и культур. Конфигурация общественного конфликта стала сложной, и загнать ее в модель борьбы Добра со Злом невозможно.

Вот признание Джеффри Сакса: «Больно это признавать, но Запад, особенно США, несет значительную ответственность за создание условий, в которых ИГИЛ расцвел... Общественности, действительно, никогда не рассказывали истинную историю Усамы бен Ладена, Аль-Каиды или подъема ИГИЛ в Ираке и Сирии. Начиная с 1979 года ЦРУ мобилизовало, набирало, готовило и вооружало молодых людей из суннитов для борьбы с Советским Союзом в Афганистане. ЦРУ усиленно вербовало молодых людей из мусульманского населения (в том числе Европы), чтобы сформировать моджахедов... Бен Ладен из богатой саудовской семьи был доставлен туда, чтобы помочь провести и совместно профинансировать операцию... Ничем не спровоцированная война Америки в Ираке в 2003 году высвободила демонов. На основе лжи ЦРУ была начата не только сама война, ... много сделали для порождения хаоса, кровопролития и гражданской войны. Именно эти потрясения позволили ИГИЛ захватить и удерживать территорию Сирии, Ирака и части Северной Африки»²³.

Идеология сдвигается к иррациональности — государство создает условия для паники. Так, в США увеличился страх стать жертвой преступления. Неолиберальная идеология активизирует «неомеханическую» солидарность — постиндустриальный аналог «механической» солидарности примитивных обществ. Признаком этого сдвига стало «усиление экспрессивной жестокости наказания преступников». До начала 1990-х гг. большинство среднего класса было настроено либерально в отношении

²³ Сакс Дж. Как остановить ответный ход терроризма / <https://www.project-syndicate.org/commentary/islamic-state-blowback-terrorism-by-jeffrey-d-sachs-2015-11/>

преступников, теперь сострадание к преступнику сменяется гневом и страхом. Поддержка смертной казни в США за 1974–1994 гг. выросла с 58 до 74% опрошенных. В 2010 г. поддерживали смертную казнь 83%, противники составили всего 13%. Хотя в США за последние 20 лет уровень преступности снизился на 40%, число заключенных растет, достигнув в 2007 г. 2,3 млн. В 2010 г. в США было 730 заключенных на 100 тыс. населения, а в Западной Европе от 59 (Финляндия) до 150 (Англия).

А. Турен так видит вызов, перед которым оказалось общество: «Мир становился все более капиталистическим, все большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота — отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности. Это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идет к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли.

В завершение можно утверждать, что главной проблемой социологического анализа становится изучение исчезновения социальных акторов, потерявших под собой почву... В последние десятилетия в Европе и других частях света самой влиятельной идеей была смерть субъекта»²⁴.

Социологи и философы (С. Лэш и Дж. Урри) считают, что глобализация принесла с собой «конец организованного капитализма». Они называют это состояние переходом от национально организованных обществ к «глобальной дезорганизации». Урри пишет (2003): «Глобализация видится как формирующаяся новая эпоха, как золотой век космополитической „безграничности“. Национальные государства и общества не в состоянии контролировать глобальные потоки информации».

Фундаментализм неолиберализма привел к провалу глобализацию. 3. Бауман говорит об утрате территории национальным государством: «Властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются

²⁴ Турен А. Социология без общества // СОЦИС. 2004, № 7.

на месте. Их власть полностью и окончательно становится „не от мира сего“ — не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны»²⁵.

Эта «глобальная дезорганизация» и отступление национального государства — продукт глубокого кризиса. В момент краха СССР снова стали появляться предупреждения: вектор мирового развития тяготеет к катастрофе. Что выделялось в процессах, которые нарастали на наших глазах? Вот прогноз Жака Аттали (1990): «В грядущем новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей... Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной»²⁶.

В докладе Римского клуба «Первая глобальная революция» будущее к середине XXI века видится так: «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего... Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря... Приток мигрантов может вызвать резкое усиление „оборонительного“ расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов»²⁷.

Прогноз сбывлся намного раньше. И вот мрачный вывод этого доклада: «Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество».

Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны — не мировой, а всемирной «молекулярной», ко-

²⁵ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь мир», 2004.

²⁶ Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993.

²⁷ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс, 1991.

торую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Африке, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война — уже огромное предприятие. Куда будут двинуты кочевые контингенты наемников-«мятежников»? Признаки «гибридной» глобальной войны уже видны.

Те кризисы, которые возникают, как цепной процесс, по всему миру, отличаются от кризисов модерна. Они вырастают из хаоса или неопределенности финансовых потоков в необычных масштабах и с необычной динамикой. Ж. Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 г. и особо отмечает роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно все, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию... Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей...

Сейчас мы имеем дело со сложной системой, своего рода “големом”, не имеющим цели и способным одновременно служить человечеству и все разрушать на своем пути. Ибо ему неведомы этические нормы и чувства»²⁸.

Исходя из этой реальности и целой системы кризисов сознания элиты Запада в условиях турбулентности переходного периода, надо вырабатывать методологию конструктивного и очень сложного диалога. Это трудно и потому, что наши идеология и сознание тоже находятся не в лучшей форме — наш дом разделился сам в себе. Мы не успеваем за новыми и необычными кризисами, но они заставят нас начать и общественный диалог в нашем доме.

Библиография

1. Mearsheimer J. Why we will soon miss the cold war // Atlantic. Boston. 1990. Vol. 266, № 2.
2. Von Laue Th. The World Revolution of Westernization. N.Y., 1987. P. 72.
3. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003. С. 29.

²⁸ Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер, 2009.

4. Dahl R.A. Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven, 1982.
5. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. М.: Питер, 2005.
6. Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ/Астрель, 2008. <http://coollib.net/b/298301/read#r26>.
7. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003.
8. Каспэ С.И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // ПОЛИС. 2005, № 4.
9. Cheroni A. La ciencia enmascarada. Montevideo: Universidad de la República, 1994.
10. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // В кн.: Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
11. Салмин А.М. Церковь, государство и политика в католическом мире // ПОЛИС, 2005, № 6.
12. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988.
13. Фромм Э. Пути из больного общества // В кн. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
14. Хайдеггер М. Слова В. Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
15. Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004, № 5.
16. Сакс Дж. Как остановить ответный ход терроризма / <https://www.project-syndicate.org/commentary/islamic-state-blowback-terrorism-by-jeffrey-d-sachs-2015-11/>
17. Турен А. Социология без общества // СОЦИС. 2004, № 7.
18. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: «Весь мир», 2004.
19. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Между-на-род-ные отношения, 1993.
20. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. М.: Прогресс, 1991.
21. Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер, 2009.
22. Леонтьев К.Н. О всемирной любви / В кн. «О великом инквизиторе. Достоевский и последующие». М.: Молодая гвардия, 1991. С. 55.
23. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations // The National Interest / <http://inosmi.ru/politic/20160205/235302391.html>
24. Хейлбранн Дж. Интервью с Генри Киссинджером // The National Interest / <http://inosmi.ru/world/20150821/229779825.html>